

ДЕТСТВО
В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАЗАХСТАНА И КАВКАЗА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

Д Е Т С Т В О
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАЗАХСТАНА И КАВКАЗА

Санкт-Петербург
1998

27 Обычаи киргизов Семипалатинской области. С. 59—60; *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3. С. 108.

28 Там же.

29 *Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 137.

30 ПМА. ЭЭ ЧО КазССР, 1988, д. 1591, л. 39—44.

31 МАЭ, № 6852-25, 26.

Ю. М. Ботяков, О. А. Ботякова

РАННЕЕ ДЕТСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ ТУРКМЕН

Изучение детского периода жизни человека и связанной с ним обрядности неоднократно привлекало внимание этнографов. Благодаря серьезным и компетентным исследованиям М.С.Андреева,¹ О.А.Сухаревой,² А.Л.Троицкой,³ С.М.Абрамзона⁴ и других, имеется определенный опыт сбора и интерпретации материала по этнографии детства у народов Средней Азии. В этом отношении туркмены изучены недостаточно полно. Среди специальных публикаций на интересующую нас тему можно назвать работы Ш.Б.Аннаклычева,⁵ К.Ниязклычева,⁶ А.Союновой.⁷ В общем контексте семейно-брачных отношений описание обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей у туркмен, содержится и в ряде других работ.⁸

Цель данной статьи — обобщить уже известные материалы литературных источников и ввести в научный оборот новые данные, полученные за последние годы в результате работы Туркменского отряда среднеазиатской экспедиции МАЭ.

Предлагаемая работа посвящена началу жизни туркменского ребенка — периоду раннего детства. Здесь возникает необходимость установления хронологических рамок означенного периода. Его нижняя граница четко фиксирована самим фактом появления ребенка на свет, верхняя же, довольно зыбкая, варьирует в диапазоне от 1.5 до 3 лет. Периоду раннего детства синонимичны определения «младен-

чество»,⁹ «колыбельный» или же «материнский» период. Основными его характеристиками являются, на наш взгляд, нахождение ребенка в колыбели, грудное вскармливание, полная зависимость от взрослых, отсутствие навыков самостоятельного передвижения и активной речи. По полевым материалам авторов, ребенка этой возрастной категории туркмены обычно называют вне зависимости от пола — *бебек* («дитя», «младенец»). Новорожденный — *догма* (от гл. *догмак* «родиться»). На вопросы относительно возрастной привязки термина «бебек» однозначного ответа получено не было. Многие информаторы, особенно йомуты и сарыки, считали, что *бебек* — ребенок до года, после это уже *чага* («ребенок»). Часть опрошенных соотносила употребление термина «бебек» с фиксацией возрастных особенностей: «ребенок, который еще не ходит»,¹⁰ «ребенок, не умеющий говорить»,¹¹ «ребенок, не имеющий одежды». ¹² У туркмен *эрсари*,¹³ *геклен*,¹⁴ *эмрели*¹⁵ *бебек* называют ребенка до 3 лет. Последняя информация особенно примечательна, поскольку мы придерживаемся того мнения, что такая продолжительность младенческого периода (около 3 лет) вообще является особенностью традиционной возрастной периодизации. В предлагаемой работе под младенчеством и ранним детством понимается один и тот же период.

Предваряя описание и анализ конкретного материала по обрядам детского цикла, есть смысл остановиться на некоторых общих вопросах, характеризующих взгляд туркмен на детей. «Вообще можно сказать, что туркмены, по натуре своей, очень чадолюбивы, особенно хорошо относятся они к малолетним детям...», — писал знаток быта туркмен А. Ломакин.¹⁶ Чадолюбие, как черту национального характера туркмен, отмечали и другие исследователи Средней Азии — европейцы.¹⁷ Это взгляд со стороны. По представлениям самих туркмен, наличие детей — непереносимое условие благополучной жизни, удачного брака, состоявшейся семьи. Родители, имеющие детей, особенно мальчиков, обладают более высоким общественным статусом. Приведем поэтический рассказ, услышанный нами во время экспедиционных

работ в Кара-Калинском районе Туркмении. Один влиятельный гекленский хан на свадьбе сажал своих гостей-ханов в юрты трех цветов: белого, красного и черного. У кого из приглашенных был сын, того сажали в белую юрту, у кого дочь — в красную, бездетных — в черную. Соответственно для гостей белой юрты готовили пищу из мяса белого барана, для гостей красной юрты — из мяса красного (рыжего) барана и для тех, кто сидел в черной юрте, — из мяса черного барана.¹⁸

Не ставя под сомнение то, что в системе ценностей у туркмен детям отводилось значительное место, оговорим, однако, что подобное отношение распространялось не на всех детей. Положение каждого ребенка в семье и обществе определялось целым рядом факторов, сопутствовавших его появлению на свет: достаток родителей, количество детей в семье, пол и физическое здоровье ребенка, законность его рождения и др. Отношение к детям, рожденным вне брака, было у туркмен очень жестким. Если согрешившая женщина не была вовремя выдана замуж и не удалось прервать беременность, то «родственники употребляли старание, чтобы умертвить ребенка тотчас же после появления его на свет, или же часто сама мать, изгнанная из родного дома, не находя себе приюта у родственников, умерщвляла ребенка. До занятия края русскими подобные детоубийства оставались ненаказуемыми, главным образом потому, что не находилось гражданских истцов..., предъявлявших требований хуна».¹⁹

Информации о случаях детоубийства и их мотивировке у туркмен в прошлом имеется очень мало, по вполне понятным причинам факты подобного рода, как правило, замалчиваются. Тем больший интерес представляет сообщение одного из наших информаторов из Кара-Калы, старика 80 лет, касающееся рождения Колок-сердаря, известного в начале века предводителя геклен. Родом он из *тире гызыл* (родовая группа), при рождении ему было дано имя Клыч, но прославился он как Колок-сердарь (Колок — прозвище, означающее «калека»). Колок-сердарь отличался врожденным уродством: его левая рука была длиной до локтя, правая

заканчивалась клешнеобразной кистью, левая нога, как и рука, была укорочена, а на правой не хватало пальцев. Родители хотели убить ребенка-урода, но затем отец передал решение вопроса *маслахату* («совету старейшин»), где было решено сохранить ребенку жизнь.²⁰ В данном случае, возможно, мы сталкиваемся с примером, подтверждающим существование обычая убийства новорожденных с ярко выраженным уродством. Из сказанного становится очевидным, что ценность представляла лишь жизнь того ребенка, появление которого было непосредственно связано с интересами семьи, — способного продолжить род и наследовать имущество.

Туркменские семьи традиционно многодетны. Это положение стойко сохраняется и в наши дни. Согласно переписи населения 1979 г., показатель средней величины семьи у туркмен (считая супружескую пару с детьми) составляет 6.32, уступая лишь таджикам — 6.48.²¹ Отсутствие потомства — большое несчастье, в котором раньше, как правило, обвиняли женщину; бесплодие жены являлось серьезным основанием для полигамного брака. Согласно распространенному в прошлом взгляду, характерному и для туркмен, «бездетность расценивали не как физический недостаток, недуг и даже не как «обожье наказание» — до такой степени развития религиозное мышление еще не достигло, — а как результат порчи или враждебного вмешательства духов». ²² Рок бесплодия делал женщину в глазах окружающих потенциально опасной, способной передать свое несчастье как некую материализованную субстанцию другому, поэтому ее старались по возможности избегать. Страхом перед порчей, сглазом и, одновременно, заботой о потомстве объясняются особые запреты для женщин, находящихся в периоде фертильности. Туркменкам племени човдуров, например, следовало с осторожностью приближаться к куче золы или мусора, ходить на речку, они не должны были появляться в темноте вблизи кладбища.²³ У сарыков женщинам также нужно было остерегаться золы и избегать мест, где производится убой скота.²⁴

Аналогичные представления существовали и у других туркменских племен.

Судя по этнографическим источникам, у туркмен в прошлом бесплодие женщин не было редким явлением. В этом случае женщины обычно совершали паломничество в места, пользующиеся особым почитанием, причем некоторые святилища имели вполне определенную специфику. До настоящего времени сохранилось расположенное вблизи Апхабада святилище Богаз даш (букв. «камень беременной»), куда по-прежнему приходят с целью вымолить себе ребенка. «Богаз даш, по сообщениям очевидцев, представляет собой два больших камня необычной формы, из которых один стоит вертикально, а другой лежит рядом». ²⁵ Женщины, желающие забеременеть, либо катаются по камню, либо трутся о него животом. У С.М.Демидова мы находим цифры, дающие некоторое представление о количестве женщин, совершивших паломничество к «святым» местам. «Во время посещения святилища Сейит-Неджепи (верхний Сумбар) в октябре 1964 г., — пишет он, — нами было насчитано более 60 моделей колыбелей и игрушечных луков, большая часть которых была принесена недавно. В августе 1967 г. на двух святилищах у курорта Молла-Кара найдено около 90 моделей: на святилище Ших-пукара 13 колыбелей, а на Ших-Мустафа — 74 колыбели и 1 лук». ²⁶ Модели детских колыбелей являются овеществленной просьбой к святому о ребенке вообще, луки оставляют, если молят о мальчике.

Общая андроцентрическая тенденция, присущая традиционному туркменскому обществу, обуславливала желание родителей иметь первенцем сына. О предпочтении мальчиков пишется практически во всех работах, посвященных вопросам семьи и брака, как в целом в Средней Азии, так и у туркмен в частности. Не останавливаясь здесь подробно, еще раз подчеркнем, что наряду с социально-экономическими причинами, формировавшими подобный взгляд, известную роль играли и религиозные мотивы (сын должен похоронить родителей и совершать поминальный культ). *Чаган огул болса аркайын ят* («Спокойно спи, когда ребенок — мальчик») —

считали в народе. Закрепленное традицией стремление родителей иметь сына-наследника вызвало появление особых магических приемов, способных якобы влиять на ход событий. Очень архаичным является зафиксированный у туркмен и встречающийся у других народов мира обычай использования оставшейся после праздника обрезания крайней плоти с целью вызвать желаемую беременность и родить сына.²⁷ У туркмен, пишет А.Союнова, «женщина, не имеющая детей, во время суннет тоя крала обрезанный кончик, надевала его на палочку и вешала где-нибудь в доме».²⁸

То же стремление заложено в основу заслуживающего внимания обычая, отмеченного нами у туркмен-эрсари и, насколько нам известно, в литературе не описанного. В эрсаринских семьях, для того чтобы рождались мальчики, кто-либо из взрослых мужчин, обычно сам хозяин, изготавливал коня около 50 см длины и 65 см высоты. Его лепили из глины, довольно тщательно, стараясь передать форму и стать породистого скакуна *бедев ат*. Седло, также глиняное, лепили отдельно, удила и стремяна не делались. Иногда коня снабжали легкой попоной из ткани — *койнеке*. Зимой его покрывали войлочной попоной со специальными завязками — *багаджик*, которые завязывались под шеей. Тот, кто делал коня, давал ему имя. Следует особо подчеркнуть, что лепили именно коня, жеребца, с соответствующим половым органом. Для женщин, включая жену главы семьи, этот конь являлся запретным, они не должны были его касаться. В доме глиняного коня помещали на мужской половине, головой в сторону севера. Все мальчики данной семьи были его коллективными владельцами. Им разрешалось играть с конем, соблюдая осторожность. Если все же конь разбивался, сразу же лепили нового, сохраняя прежнее имя. Обломки первого коня выбрасывали.²⁹

Первым признаком наступления беременности туркмены считали изменение вкусовых ощущений, происходящее, по местным представлениям, через 40 дней после зачатия.³⁰ *Агзы бимаза боляр* («Рот не знает вкуса»), — говорили про беременную геклены. Пол будущего ребенка старались уга-

дать по различным приметам. Если у женщины лицо дурнело (становилось бледным, покрывалось пятнами), предполагалось рождение дочери, если оставалось свежим, красивым, — ждали сына.³¹ Если ребенок сильно шевелился в утробе матери, надеялись на мальчика.³² У туркмен-эрсари нам сообщили об использовании в качестве атрибута гадания змеи. Мертвую змею, подцепив палкой, перебрасывали через голову; если она падала на спину, — следовало ждать девочку, если на живот, — мальчика.³³ На территории Средней Азии прослеживаются пережитки древних верований, связанных с культом змеи.³⁴ У туркмен, как и у других народов этого региона, змея, ее кожа, глаза, изображение использовались в различных магических обрядах, в том числе в обрядах материнства и детства. У йомутов о поле будущего ребенка женщины гадали следующим образом: «вытянув по земле хлопковый шнур и сложив его затем кольцеобразно, гадающий кладет в середину семечко хлопка, поджигает шнур вокруг него и хлопает руками по земле. Если шнур сгорит равномерно и семечко не будет затронуто, судьба пошлет непременно сына».³⁵

Следуя естественному ходу вещей, считалось, что ребенок должен находиться в утробе матери 9 месяцев и 10 дней.³⁶ Если в положенный срок роды не начинались, подозревали, что беременная женщина случайно отведала запретного для нее верблюжьего мяса. В таких случаях, по полевым данным А.Союновой, женщину «сажали на верблюда и катали на нем, в других случаях обводили вокруг верблюда или же заставляли ее пройти под ним».³⁷ При приближении срока родов с целью обеспечить их быстрое и благополучное течение туркмены совершали специальный обряд в честь Парау-биби — покровительницы беременных женщин и детей: выносили на дорогу чашку, наполненную мукой, которую затем раздавали бедным, или пекли хлеб, который также раздавали нуждающимся.³⁸

Согласно обычаю, туркменки рожали в своем доме, муж при этом не присутствовал. Повитуха — *гобек-эне* (букв. «мать пуповины») и одна-две родственницы со стороны мужа

оказывали необходимую помощь. Женщина рожала, сидя на предварительно прокаленном песке, зимой подогретый песок насыпали на старую кошму или одеяло.³⁹ Пуповину перерезали самодельной бритвой (*пэки*) и перевязывали хлопчатобумажной нитью. Новорожденного обмывали подсоленной водой⁴⁰ либо же насухо вытирали,⁴¹ заворачивали в пеленки (*арлык*) и клали рядом с матерью. Пеленки изготавливали из старой ношенной одежды пожилого человека, чтобы родившийся также прожил долго. О том, как обычно поступали туркмены с плацентой и пуповиной и какие представления были с этим связаны, известно немного. У човдуров, например, «пуповину... заворачивали в кожу курицы, снятую вместе с перьями, и зарывали у порога (*босага*) дома. Иногда пуповину выбрасывали, чтобы ее съели собаки, — считалось, что в этом случае новорожденный будет жить долго и будет выносливым... Послед (*елдаши*) човдуры, как и текинцы, обычно зарывали в углу у выхода дома, где родился ребенок». ⁴² У сарыков пуповину в небольшом мешочке привешивали к колыбели, «чтобы у ребенка не болели уши». ⁴³ У йомутов пуповину мальчика привязывали к хвосту верблюда или коровы, чтобы он стал скотоводом, а пуповину девочки — к бахроме ковра или *чувала* (мешка для вещей), чтобы она стала хорошей хозяйкой и искусной ковровщицей. ⁴⁴ На существование подобных обычаев у различных народов мира еще в начале века обратил внимание Д.Фрезер. «Вера в симпатическую связь, существующую якобы между человеком и его последом или пуповиной, находит прямое выражение в распространенном обычае обращаться с детским местом и пуповиной так, чтобы оказать влияние на характер и род деятельности человека». ⁴⁵ На среднеазиатском материале мысль Д.Фрезера о вере в парциальную душу, содержащуюся в плаценте и, реже, в пуповине, проследил затем Г.Н.Снесарев. ⁴⁶ У туркмен отголоски этих представлений сохраняются довольно стойко. Как отмечает Ш.Б.Аннаклычев, и в настоящее время (речь идет о 60-х гг. XX в.) женщины, рожающие в больнице, просят иногда отдать им пуповину мальчика,

которую затем привязывают к автомобилю, буровому механизму и т.д., чтобы привить ребенку любовь к технике. ⁴⁷

Проследим теперь обычаи и обряды, маркирующие этапы взросления ребенка с момента рождения до окончания периода раннего детства (до 3 лет) в той последовательности, в какой они совершались. Сразу отметим две характерные особенности этих обрядов у туркмен. Масштаб их проведения, в зависимости от степени значимости, различался, но в любом случае выходил за рамки локальных, узкосемейных обрядов. В проведении обрядов младенческого цикла кроме родителей принимали участие родственники и соседи ребенка. Активная роль при этом принадлежала женщинам и детям, мужчины, как правило, выступали в роли пассивных зрителей.

Рождение здорового ребенка в туркменской семье — радостное событие, которое в зависимости от достатка родителей и пола новорожденного отмечалось более или менее торжественно. Праздником сопровождалось появление на свет первенца-сына (*огул той*, букв. «праздник в честь мальчика»). Человек, первым сообщивший счастливую весть отцу ребенка, по обычаю получал вознаграждение. По поводу рождения сына в зажиточных семьях резали баранов, варили плов, приглашали гостей, которые приносили с собой подарки для новорожденного (рубашки, платки, деньги) и угощение. Женщины, пришедшие на *огул той*, проводили три раза обеими руками по лицу младенца, а затем по своему, моля Аллаха также послать им сына. Сарыки украшали юрту, где родился мальчик, ватными фигурками, изображающими звезды, луну, солнце и домашних животных — коня и барана, которые не снимали 40 дней. ⁴⁸

Согласно шариату, в день, когда ребенок появлялся на свет, либо мулла, либо просто грамотный человек читал над ним молитву — *азан*. На примере туркмен можно проследить своеобразную трансформацию канонического ислама на уровне бытового сознания. На вопрос о том, можно ли считать прочтение азана при рождении актом приобщения ребенка к религии, наши информаторы, пожилые люди, отвечали

довольно противоречиво. Часть опрошенных местных жителей — туркмен высказала мнение, что ребенок, появившийся на свет в семье, исповедующей ислам, — мусульманин по факту рождения, и прочтение азана над ним внешне оформляет это положение. Однако те же информаторы обычно добавляли, что человек, не прошедший обряда обрезания, не может считаться мусульманином.⁴⁹ Как выразился старик-эрсаринец, 1904 г. рожд., «азан имеет пользу, значение, но ребенок еще не мусульманин».⁵⁰ Рассматривая наряду с другими авторами⁵¹ обычай обрезания мальчиков как пережиточную форму обряда инициационного характера, подчеркнем важную, на наш взгляд, деталь. Проведение социально значимого обряда обрезания у туркмен, как правило, приурочено к времени, когда мальчик находится в возрасте переходном от детства к юности (от 5 до 12 лет). Прошедший обряд получал право носить оружие, резать скот, есть вместе с мужчинами, с этого момента считалось возможным его женить. С другой стороны, обрезание означало, что руки мальчика стали ритуально чистыми, и он начинал участвовать в отправлении культа (совершал пятикратный намаз, соблюдал пост и т.д.), т.е., следуя выражению информаторов, становился мусульманином. Приобщение девочек к исламской вере опрошенные нами туркмены также соотносили с достижением ими возраста совершеннолетия; наиболее типичный ответ в данном случае: «Как замуж выходит, так и мусульманка». Очевидно, что религия в бытовом сознании туркмен к настоящему времени прочно переплелась с их представлениями о социальной зрелости человека, и инициационному обряду обрезания, приобретенному в данном регионе ярко выраженную мусульманскую окраску, они придают гораздо больше значения в плане приобщения к исламу, нежели обряду прочтения азана над новорожденным. В связи с вопросом о религии отметим, что по ребенку, умершему в раннем возрасте, не справляли поминок.⁵² Мертворожденных детей хоронили без молитвы.⁵³

Имянаречение входило у туркмен в обрядовый комплекс, приуроченный ко дню появления ребенка на свет. У сев.

йомутов, по прочтении азана, мулла в присутствии родителей новорожденного три раза громко произносил предназначенное имя сначала в правое, затем в левое ухо младенца.⁵⁴ Иногда имя давали на второй или третий день жизни новорожденного.⁵⁵ Это старались сделать как можно быстрее: по поверью, если ребенок долго будет без имени, он вырастет несчастливым человеком или станет вором.⁵⁶ Если отец ребенка в момент его рождения находился в отлучке, ждали 7—8 дней, после чего мать сама нарекала сына или дочь. Вернувшийся отец имел право дать ребенку другое имя. Вообще следует сказать, что почетным правом имянаречения у туркмен обладали мужчины, при этом приоритет принадлежал деду по отцовской линии. У йомутов было принято оповещать деда о рождении внука следующей фразой: *Чага догды ат бер* («Ребенок родился, дай имя»)⁵⁷

Современная туркменская антропонимическая модель аналогична таковой у других народов Средней Азии; она двучленна, состоит из индивидуального имени и фамилии. Отчество в прошлом туркмены не употребляли, и до настоящего времени оно еще не получило широкого распространения, его используют чаще в кругу интеллигенции, при общении на официальном уровне. Именник туркмен, как и у соседних тюркских народов, образуют два мощных пласта: тюркский (древнетюркский) и арабский, связанный с проникновением ислама. Характерным для туркменских имен является их сложносоставная структура, состоящая из двух частей, причем одна из них может быть тюркской, а другая арабской. Новорожденного старались назвать созвучно именам его предков, для чего обычно использовали в качестве приставки какое-либо имя, принятое в данной семье. Как пример приведем материал К.Овезбердыева, касающийся имянаречения у сарыков. Главу одной из обследованных им семей звали Мемеднияз (в повседневном общении Мэджикага), соответственно его сыновья были наречены при рождении Аганияз, Овенияз, а внук — Мухаммеднияз и т.д.⁵⁸ Подобный обычай отмечен в литературе и у других туркменских племен.⁵⁹

Личные имена туркмен можно разделить на несколько групп. К первой относятся имена, происхождение которых связано с различными обстоятельствами, имевшими место в то время, когда ребенок появился на свет. Примером может служить мужское имя Сатыналды («продан—куплен»), происходящее от обряда «похищения младенца». Если у женщины не выживали дети, то для сохранения жизни новорожденного, его сразу же после перерезания пуповины уносила с собой многодетная мать; «похищенного» затем следовало «выкупить». ⁶⁰ Происхождение довольно распространенных в прошлом имен (мужских и женских) типа Таган, Тагангельды, Таганбиби, Таганмырат и т.д. связано с другим обрядом, проводимым при рождении ребенка, когда его проносили несколько раз под таганом (металлическим треножником для котла) с целью обеспечить младенцу долгую жизнь. Если кто-либо из близких вернулся после длительного отсутствия домой в тот момент, когда в семье появился новорожденный, последний в ознаменование важного события мог получить имя Амангельды («Вернулся благополучно»). ⁶¹ В этот же блок входят многочисленные имена, отражающие явления природы, смену времен года, название мусульманских лунных месяцев.

Следующую группу имен образуют имена, обладающие якобы способностью влиять на здоровье ребенка, его характер, судьбу. Для мальчиков характерны имена, потенцирующие развитие мужских качеств, ценимых народом: Сердарь («вождь»), Пельван («силач»), Клычсердарь («сабля вождя») и т.д. Женские имена носят поэтический характер: Арзыгуль («желанный цветок»), Нур Садал («перламутровый луч»), Нэзик («нежная») и т.д.

Ряд имен может быть объединен под общим названием имена-заклинания. Нередко их происхождение связано с желанием родителей предопределить количество и пол детей. В том случае, когда хотели иметь многочисленное потомство, первенца нарекали именем Тиркем («вереница»). При отсутствии сыновей младенцы-девочки могли получать имена типа Бесдир («довольно»), Огулгерек («мальчика надо»).

Особое место занимают имена-обереги, носящие уничижительный характер, отводящие, согласно народным представлениям, демонические силы: Италмаз («собака не возьмет»), Ишекгулы («раб ишака»), Галтаман («разбойник»). И сейчас еще бытует мнение, что родители, давшие подобное неблагозвучное имя, являются наиболее заботливыми, любящими своего ребенка людьми.

Если рождались близнецы, что у туркмен воспринималось как счастливый знак, им обычно давали устоявшиеся пары имен: братьям — Есен—Кыяс, Хыдыр—Недыр, сестрам — Эшэ—Суйшэ, Хесел—Гезел, брату и сестре — Недыр—Хесел, Союн—Патма, Якуб—Мержен.

При выборе имени первостепенное значение имело наречение новорожденного именем умершего близкого родственника, особенно деда или бабки, «чтобы имя не пропало». ⁶² Имена здравствующих родственников и ближайших соседей не давалось. О существовании подобного обычая, генетически связанного с представлениями о перевоплощении души, у различных народов Средней Азии писал, в частности, М.С. Андреев. ⁶³ При обращении к ребенку, получившему имя в честь умершего родственника, использовали терминологию родства. Так, если мальчик носил имя деда, все члены семейно-родственного коллектива, включая отца ребенка и его дядей по отцу, называли мальчика — *ата* (ата — термин, имеющий в туркменском языке двоякое значение: это, во-первых, дед по линии отца, во-вторых, отец). Этот обычай живет и поныне. ⁶⁴ К ребенку, носящему имя умершего, окружающие проявляют особое внимание. Считается, что его нельзя наказывать физически, при общении с ним стараются соблюдать почтительный тон, избегают окриков, ему редко отказывают в чем-либо. Способ дисциплинарного воздействия в данном случае признается только один — апелляция к имени умершего, всеми уважаемого человека, которого ребенок должен быть достоин.

В этой связи возникает вопрос о втором имени у туркмен; сказанное выше представляет один из способов его образования. Могли быть и иные пути и причины получения ребенком

второго имени. Так, имя одного из жителей поселка, где работала экспедиция, — Язгельды, но в быту его зовут исключительно Ак-ойли, поскольку, когда он родился, ставили новый дом.⁶⁵ Информаторы сообщали, что второе имя человеку давали и в том случае, если он часто и тяжело болел.⁶⁶ Второе имя часто имело ласкательный оттенок. Имя одного из местных жителей, по племенной принадлежности йомута, пожилого человека — Кичан. К моменту нашего разговора он считал его своим официальным именем, хотя помнил, как оно было образовано. Отец информатора, обращаясь к мальчику, называл его Кичихан («маленький хан»), в дальнейшем при произношении буква «х» выпала. Имени, данного ему при рождении, старик не знал.⁶⁷ Второе имя обычно и употреблялось в повседневном обиходе, имя же настоящее, полученное человеком при рождении, правильно и полностью произносилось лишь во время свадьбы и на похоронах.⁶⁸ Как приходилось слышать, до сих пор школьные учителя нередко впервые узнают, как на самом деле зовут их учеников, лишь заглянув в официальные документы.

Заслуживает, на наш взгляд, внимания сообщение об обычае эрсаринцев давать второе (новое) имя женщине, пришедшей после свадьбы в семью мужа. Это делали, по словам информатора, если молодуха нравилась родне, если нет — имени не давали.⁶⁹ В данном случае примечательно, что замена имени очевидно связана с крупным поворотом в жизни женщины — замужеством, оформлявшим достижение ею социальной и половой зрелости.

В заключение необходимо отметить, что второе имя не следует путать с прозвищем, имевшим, как правило, насмешливый, подчас оскорбительный характер и не употреблявшимся в присутствии человека, его носящего.⁷⁰

Первые 40 дней после рождения у туркмен, как и у других народов Востока, выделяются особо. Мать и новорожденный в это время, согласно местным поверьям, находятся в запретном периоде — *чилле* (общеиранск. «сорок»), опасном для них с точки зрения возможности нанесения вреда, порчи, сглаза. В этот период с предупредительной целью совершали

различные магические обряды, направленные на сохранение жизни и здоровья матери и ее ребенка. У сарыков, если предполагалось, что ребенка «сглазили», совершали следующие действия. Положив на ложку ээк (квасцы, белое кристаллическое вещество), его растапливали над огнем, добавляли воду или грудное молоко. В растопленном виде это вещество пузырится, чем напоминает глаза. Полученным раствором новорожденному смачивали лицо, кожу за ушами, грудь, ладони, пятки. Затем одну половину содержимого сливали в арык, а другую на дорогу, со словами *гоз дегсе отене болсун* («если коснулся глаз, пусть в огне горит»).⁷¹ По полевым материалам А.Союновой, полученным в Ашхабадском районе Туркмении, если у женщины не выживали дети, что обычно имело иррациональное объяснение, при рождении следующего приготавливали специальное лекарство из кишмиша, курдючного сала и черного молотого перца; тщательно перемешанную массу заворачивали в вату, прикладывали младенцу к пуповине и держали до ее отпадения.⁷²

В период *чилле*, как считалось, женщине и новорожденному помимо порчи и сглаза угрожают также различные демонические существа, и среди них особенно опасное — Албасты. Албасты (туркменский вариант имени) — довольно известный персонаж демонического пантеона, встречающийся у многих тюрко- и ираноязычных народов. Туркмены верили, что Албасты якобы является людям в разных обликах, но наиболее часто «в виде безобразной старухи с всклокоченными волосами и длинной грудью, которая старается навредить рожаящим женщинам и новорожденному». ⁷³ Для защиты от козней Албасты и других злых духов принимались меры магического характера. Туркмены-мурчали в течение первых 7 дней под подушку младенцу клали нож, книгу, написанную по-арабски, хлеб и соль.⁷⁴ У нохурцев нож клали в складки пеленки на груди ребенка сразу же после рождения и не вынимали трое суток.⁷⁵ Имеющее сакральное значение использование холодного оружия, хлеба и соли в обрядах материнства и детства известно и у других туркменских племен.

В период чилле существовала строжайшая табуация поведения как самой родившей женщины, так и окружающих ее людей. До 40 дней женщине следовало воздерживаться от тяжелых физических работ и не иметь половых сношений с мужем. Она должна была управляться с хозяйственными делами до заката солнца и ни в коем случае не выходить на улицу ночью, чтобы не получить болезнь от «тени». ⁷⁶ В течение срока чилле женщине нельзя было оставаться одной, а тем более мыться. Жительница поселка Моргуновка (Кушкинский район, Марыйская область), женщина 37 лет, сарычка, рассказала нам по этому поводу случай из своей жизни. Первая жена ее отца, находясь в запретном периоде, помылась, когда рядом никого не было, и через 3 дня скончалась. Мулла объяснил внезапную смерть, сказав, что у умершей на спине была пятерня Албасты. ⁷⁷ Сообщение нашего информатора — молодой женщины, верившей в истинность случившегося, может служить примером живучести подобных представлений среди сельского населения Туркмении.

Пока не окончилось чилле, практически у всех туркменских племен запрещалось заходить в дом, где родился ребенок, с мясом. Човдуры, например, считали, что иначе младенец заболит болезнью *этлик яра*: у него появятся опрелости, для излечения которых следовало смазать его пеной, образующейся при варке бульона. ⁷⁸ Если в доме, где находились молодая мать и новорожденный, необходимо было произвести убой скота или зарезать птицу, старались сделать это так, чтобы, перерезая горло, не повредить позвоночник, в противном случае, как полагали, ребенок не сможет держать головку. ⁷⁹ В тех случаях, когда младенец почему-либо терял аппетит, худел, становился вялым, слабым, говорили, что он «попал в чилле» (*чилле душмек*). Для излечения его от этой опасной болезни совершали магические обряды: ребенка купали в подсоленной воде или протаскивали 3 раза через ямку, вырытую под порогом дома. ⁸⁰

Повсеместно в Туркмении считался опасным контакт матери и ребенка с покойником или просто с человеком,

пришедшим с похорон. У сарыков, в частности, нами зафиксирован такой обычай. Когда проходили похороны, женщина, находящаяся в периоде чилле, во избежание всевозможных несчастий для себя и своего ребенка должна была с младенцем на руках 3 раза пройти перед похоронной процессией. Это старались сделать незаметно, пока процессия еще далеко. В противном случае люди, сопровождавшие умершего, могли обидеться («покойник будет тяжелым»). ⁸¹

Потенциальная угроза матери и новорожденному в период чилле, по представлению туркмен, была наибольшей в первые 7 дней (*еди чилле*). По их окончании, по словам информатора — «когда высыхал пупок», ⁸² ребенка купали в воде, в которую клали серебряную монету, 7 зернышек пшеницы и соль. Купала ребенка пожилая женщина, либо повитуха, либо родственница; мать в это время должна была также вымыться и выйти к ребенку в чистом. ⁸³

Когда истекал срок сорокадневия (туркм. *гырк чилле*), проводили комплекс обрядов под общим названием *гырк чилледен чикармак* (букв. «выход из чилле»). В этот день совершалось второе обрядовое купание младенца. А. Союнова отмечает, что у обследованных ею групп туркмен в воду в этом случае клали «сорок зерен пшеницы, сорок шариков бараньего помета (*гор*), сорок палочек, скорлупу от яиц и кусочек сырого мяса». ⁸⁴ Каждый из перечисленных компонентов вносил свой специфический оттенок в общее пожелание магическим путем способствовать будущей благополучной и счастливой жизни младенца. В тот же день подростки — мальчики и девочки, родственники ребенка по отцовской линии, вместе с ним обходили дома родных и соседей, где виновнику торжества дарили платки, деньги, лепешки. В литературе, касающейся туркмен, этот обряд отмечен пока только у йомутов ⁸⁵ и човдуров. ⁸⁶ Окончание срока чилле сопровождалось праздником: считалось, что теперь опасности, подстерегавшие мать и ребенка, миновали.

Раннее детство — колыбельный период жизни ребенка мог продолжаться довольно долго — до 2—3 лет, если в семье за это время не было пополнения. ⁸⁷ Спать в колыбели дольше

3 лет не рекомендовалось, так как в этом случае, считали туркмены, ребенок будет хуже развиваться. Здесь уместно напомнить, что нахождение ребенка в колыбели является одной из важнейших характеристик периода раннего детства.

Туркменская колыбель *салланчак* (от гл. *салланмак* — «висеть», «свисать») — подвесная, по своим конструктивным особенностям отличается от стоячих колыбелей типа *бешик*, характерных как для оседлых, так и кочевых в прошлом народов Средней Азии. Салланчак представляет собой кусок коврового полотнища или войлока, укрепленного между двух длинных веревок. Вертки — *аладжа йуп* (букв. «пестрая веревка») плетутся из шерсти или хлопчатобумажных ниток контрастных цветов, обычно черного и белого, и сами по себе являются сильными оберегами. А.Союнова, посвятившая туркменской колыбели специальную статью, высказала следующее предположение: «Узорная черно-белая веревка в колыбельном комплексе напоминает змею и, возможно, связана с образом змеи. К тому же в числе амулетов-оберегов, навешиваемых на колыбель, можно было встретить и змеиную голову». ⁸⁸ Мы уже кратко останавливались на вопросе, связанном с представлениями о змее у народов Средней Азии. Палки, раздвигающие основу, стараются делать из дерева дагдан, растущего высоко в горах и отличающегося крепостью и долголетием — качествами, которые по законам магии должны якобы передаваться ребенку.

Детская колыбель, и в первую очередь предназначенная для младенца, за жизнь которого особо опасались, подчас буквально увешивалась амулетами, имеющими охранную функцию. В качестве оберега на салланчак вешали клочок шерсти с бороды верблюда (*еркер дуен чокулы*), амулет-дагдан, серебряную монету — *кран*, мешочек с пуповиной, пеструю бусинку (*гоз монджук*). ⁸⁹ Под подушку клали хлебную лепешку, нож и Коран. ⁹⁰

Салланчак, снабженный матрасом, одеялом и подушкой, делали для первенца уже после того, как он появлялся на свет. Готовить приданое заранее считалось плохой приметой. ⁹¹ В дальнейшем, если колыбель оказывалась счастливой

(в ней не умирали дети), она переходила по наследству к следующему ребенку. Несчастливой колыбелью переставали пользоваться, но не уничтожали ее, а оставляли на мазарах. ⁹²

Ребенка, лежащего на спине, плотно привязывали длинной полосой ткани или же платком, чтобы он не мог вывалиться. Мать, сидя неподалеку и не отрываясь от своей работы, мерно покачивала салланчак с помощью длинного, идущего от колыбели шнура, другой конец которого обвязывала вокруг большого пальца ноги. Если в семье были старшие дети, то укачивание младенца считалось их обязанностью уже начиная с 3—4 лет. ⁹³

Первое укладывание ребенка в колыбель имело обрядовое оформление и сопровождалось праздником — *салланчак той* (букв. «праздник колыбели»). Время проведения его колебалось от нескольких дней после рождения (йомуты, ⁹⁴ нохурлы ⁹⁵) до окончания чилле (мурчали, ⁹⁶ човдуры ⁹⁷). Приготовленную к этому дню колыбель ставили на видное место, и пришедшие гости осыпали ее сладостями, после чего семья ребенка выставляла угощение. Известно, что обычай осыпания сладостями, широко известный в Средней Азии, ассоциируется с пожеланием счастливой жизни.

Колыбель салланчак до сих пор еще не вышла из употребления в сельской местности, по-прежнему ее снабжают различными амулетами, как традиционными по форме и материалу, так и современными; желающие могут приобрести их на базарах городских центров Туркмении, включая Ашхабад.

Следующий возрастной рубеж — появление молочных зубов, что обычно происходит во втором полугодии жизни. Прорезывание первых зубов у младенца воспринималось туркменами как событие в достаточной степени значительное, о чем свидетельствует проведение соответствующих обрядов. Наиболее раннее сообщение на эту тему касается ставропольских туркмен, переселившихся в свое время с Мангышлака. Как пишет А.А.Володин, «когда начинают прорезываться зубы, мать брала 40 ложек воды и мыла дитя». ⁹⁸ Более полно в литературе описано проведение праздника *дишлик той*

(букв. «торжество зуба») у йомутов. При появлении первых молочных зубов женщины обносили ребенка по домам 7 соседей, где ему выносили традиционные подарки (платки, сладости, лепешки). После того как ребенка возвращали матери, его клали посередине комнаты, где собирались гости, и *енге* (тетя с материнской стороны) осыпала виновника торжества жареной пшеницей.⁹⁹ Обычай осыпания ребенка во время дишлик той «на счастье» пшеницей, горохом или кукурузой был распространен у туркмен довольно широко.¹⁰⁰

Здесь же отметим и другой обычай, связанный с молочными зубами, хотя временная его привязка выходит за рамки интересующего нас периода. Когда начиналась смена зубов, ребенок заворачивал свой выпавший молочный зуб в вату, становился спиной к юрте старейшего жителя аула и бросал зуб через голову, стараясь попасть на верх юрты, чтобы новые зубы были такими же крепкими и долголетними, как старик. Описанный обычай был у йомутов.¹⁰¹

На втором году жизни здоровый сильный ребенок начинает ходить. Однако есть основания предполагать, что в прошлом начало хождения не было столь ранним. Не располагая материалом по туркменам, сошлемся на В. и М. Наливкиных, изучавших в конце XIX в. быт оседлого населения Ферганы. «Ходить туземный ребенок в среднем начинает около годичного возраста, но случаи запаздывания очень не редки».¹⁰² Когда становились очевидны попытки ребенка встать на ноги, проводили специальный обряд, известный в литературе как «обряд разрезания пут».¹⁰³ По сообщению А.А. Володина, «если дитя плохо ходит, то ноги его связывают тоненьким ремешком, потом приглашается первый встретившийся мальчик, который и разрезывает ремешок, получая за это несколько конфет и орехов».¹⁰⁴ У туркмен-човдулов этот обряд проходил следующим образом. Мать выносила ребенка на улицу, где опутывала ему ноги веревкой. Затем она бросала три круглые лепешки так, чтобы они катились по земле, и просила нескольких мальчиков догнать их. Во время этого своеобразного состязания малыша освобождали от пут.¹⁰⁵ Привлекает внимание важная, как нам представляется,

деталь: активная роль, которая отводилась в этом обряде детям (мальчикам).

Для обучения ребенка ходьбе туркмены использовали специальное приспособление — *арабаджик*, общего для Средней Азии типа: в виде деревянной рамы на двух колесах, опирающейся с помощью наклонной планки на третье колесо, расположенное спереди.¹⁰⁶ Арабаджик до последнего времени используют при уходе за детьми раннего возраста.

Важнейшим обрядом детского цикла является первая стрижка волос — *сач той* (букв. «праздник волос»). По обычаю, характерному для большинства туркменских племен, волосы ребенку впервые должен был состричь *дайы* («дядя по матери»). У туркмен-нохурли роль дайы не выяснена, стрижку производил пожилой мужчина.¹⁰⁷ Туркмены-човдуры также приглашали для проведения первой стрижки человека преклонных лет, желательно с густыми волосами, если ребенок — девочка, мальчика стриг дайы.¹⁰⁸

Детские прически имели свои особенности. Детям обоего пола волосы либо коротко стригли, либо сбрасывали, но не полностью. У девочек оставляли пряди волос сзади на шее (*кекил*), на лбу (*манлай сач*, *зюльпен*) и на висках (*гулпак*); у мальчиков — две пряди волос на висках (*гулпак*), которые спускали за ушами или впереди их, и прядь волос сзади (*кекил*). Первые волосы младенца в дальнейшем использовали как оберег. Сарыки, например, в прошлом нередко носили гулпак до женитьбы, после чего пряди срезали и пришивали их к спинке одежды первого ребенка.¹⁰⁹ Аналогичные действия с утробными волосами производили и йомуты.¹¹⁰ Текинцы волосы ребенка, оставшиеся после первой стрижки, пришивали к верблюжьей накидке, приготовленной к свадьбе, как амулет, охраняющий невесту.¹¹¹

Литературные источники, а также наши собственные материалы свидетельствуют о том, что *сач той* проводили обычно в начале второго года жизни ребенка. Однако у туркмен-эрсари, а также сев. йомутов нам неоднократно приходилось слышать, что время проведения обряда первой стрижки волос — 3 года.¹¹² По словам информаторов, ребенка

стригли впервые тогда, «когда у него голова становится твердой» (зарастает родничок), «когда он может выговорить слово “даш” (камень)». ¹¹³ В южных районах Туркмении у племен теке и мурчали существовал обычай не стричь ребенка до появления нового младенца. ¹¹⁴

У туркмен-эрсари нами была получена информация о двукратном проведении обряда первой стрижки волос, при этом в каждом случае речь шла о мальчиках. ¹¹⁵ Так, один из опрошенных нами местных жителей сообщил, что первый раз ребенка стригли в год, при этом присутствовали родственники со стороны матери. На голове оставляли четыре пряди волос — две передние (гулпак) и две задние (кекил). Их срезали мальчику, когда ему исполнялось 3 года. В это время и устраивали сач той. ¹¹⁶ По словам другого информатора, сач той отмечали в год, а в 3 года праздновали *яш той*. После стрижки дайы выносил племянника к пришедшим на торжество гостям, они подносили подарки, и в том числе платки, которыми обвязывали голову, руки, тело ребенка. Если дайы отсутствовал, стрижку производил другой человек, но на голове ребенка оставляли так называемый *пай дяди* — две пряди волос на темени, выглядевшие как гулпак. Пай дяди сохраняли до 9—10 лет, после чего, если о дайы не было известий, его состригали. ¹¹⁷

Сач той — последний, заключительный праздник периода раннего детства, знаменующий собой переход младенца в следующую возрастную категорию. В дальнейшем проведение обрядов, внешне оформляющих достижение мальчиком социальной зрелости, берут в свои руки мужчины; начало тому — сач той, на котором помимо самого виновника торжества центральная фигура — дайы.

Теперь обобщим материал, касающийся ухода за детьми раннего возраста у туркмен. Уход за ребенком включает в себя в первую очередь его кормление. Основная пища младенца — материнское молоко, важнейшая черта интересующего нас периода. Туркменки вскармливали ребенка своим молоком до 2—3 лет, а иногда и дольше, если

обстоятельства тому благоприятствовали. ¹¹⁸ При кормлении грудью, чтобы не причинить вреда младенцу, соблюдались различные запреты. Так, в первый день новорожденного кормила не мать, а другая женщина. ¹¹⁹ Мотивировка подобного обычая у туркмен нам неизвестна, но вот что по этому поводу пишет О.А. Сухарева, изучавшая обряды материнства и детства у таджиков: «...к числу оберегов следует отнести и нередко практикуемый обычай не кормить ребенка грудью первые дни после рождения. Предполагают, что с молоком матери могут передаваться ребенку ее болезни и несчастья, ее вог (тяжесть)». ¹²⁰ Вероятно, не будет ошибкой предположить, что аналогичный туркменский обычай имеет ту же основу. Другой запрет, также направленный на защиту ребенка, заключается в том, что при наступлении следующей беременности туркменка не кормила больше грудью, так как считалось — «молоко стало испорченным». ¹²¹ Существовала и табуация поведения женщины, имеющая целью охрану ее собственного здоровья и благополучия. Например, у гокленов кормящая мать не должна была проходить около тамдыра, так как в нем зола; ей нельзя было находиться там, где режут скот, в крови якобы мог находиться злой дух (*джин-арвах*): если он ударит, молоко загустеет, остановится, отчего заболит грудь. ¹²²

Определенного режима кормления не существовало, мать давала ребенку грудь по мере необходимости, если он сильно беспокоился, плакал. В перерывах в качестве соски использовали кусочек вяленого мяса, который нанизывали на веревку и вешали ребенку на шею. ¹²³ Как прикорм вводили постепенно чай, хлеб, животный жир. Обычной детской едой у туркмен была своеобразная похлебка (*ягчорба*) из мелко накрошенного чурека с салом, залитого водой, иногда с добавлением лука. ¹²⁴ Совсем маленьким детям, но уже отнятым от груди, еду подавали отдельно в маленькой чашке (*окара*). ¹²⁵ Дети постарше ели уже из общей посуды: мальчики с мужчинами, девочки с женщинами.

Уход за ребенком подразумевает также создание комфортных условий, защиту его тела от неблагоприятных воздей-

ствий окружающей среды, функцию которой выполняет одежда.

Первая одежда помимо пеленок, предназначенная собственно для ребенка, — рубашка (*койнек*). Ее надевали на новорожденного вскоре после рождения, на второй или третий день. У йомутов первая рубашка называлась *чилле койнек*.¹²⁶ Имеется также единичное сообщение, касающееся човдутов, о том, что у туркмен, как и у других народов Средней Азии,¹²⁷ рубашку, предназначенную для младенца, вначале надевали на собаку, вследствие чего она называлась *ит койнек* («собачья рубашка»);¹²⁸

Первую рубашку шили из маты или ситца белого цвета. Характерными особенностями ее являются неподшитый подол и наружные швы. Рукава *чилле койнек* кроились длинные, и при необходимости их можно было завязать. Длина рубашки зависела от пола ребенка: мальчикам делали короче (до пояса), девочкам длиннее. При крое рубашки женщины-йомутки приговаривали особую присказку: *уч кунлуге уч сере, уч айлыга уч сере...* (*сере* — мера длины, равная расстоянию между большим и средним пальцами руки).¹²⁹ *Чилле койнек* для первенца шила обычно сама мать; если у нее уже были дети, умершие во младенчестве, то в этом случае первую рубашку брали у многодетной женщины.

После 40 дней *чилле койнек* заменяли другой рубашкой.¹³⁰ Детские рубашки нередко шились из множества разноцветных лоскутков, что, по местным поверьям, отводило от ребенка порчу, сглаз.

Одновременно с *чилле койнек* на голову новорожденного надевали *тахью* («тюбетейку»), сшитую из старого, ношеного материала. Эту тюбетейку берегли и передавали, как и первую рубашку, по наследству от старшего ребенка к младшему, если она оказывалась «счастливой» (все ее обладатели оставались живы).¹³¹ Чтобы *тахья* не спадала с головы ребенка, ее довольно плотно привязывали специальными тесемками или платком.

Упоминаний об обычае искусственной деформации черепа с целью придания ему более удлинненной формы в этногра-

фической литературе по туркменам нам не встречалось. Антропологи, однако, неоднократно поднимали этот вопрос в связи с обычаем, практиковавшимся в прошлом у различных туркменских групп, накладывать на головы новорожденных особые повязки из сложенного по диагонали платка. Л.В.Ошанин, специально занимавшийся этим вопросом, пришел к выводу, который мы считаем целесообразным привести в данной статье при характеристике обычаев туркмен, связанных с уходом за детьми грудного возраста: «Долихоцефалия, столь характерная для туркмен самых различных племен, живущих в весьма удаленных друг от друга районах, является чертой расовой, врожденной, а не результатом наложения повязок на головы новорожденных».¹³²

В комплект одежды годовалого ребенка входила также безрукавка (*гурсакча*), которую шили непременно из ткани двух контрастных цветов, избегая черного. В холодное время головным убором маленьких детей обоего пола служила особая стеганая шапочка с наушниками.

Специфической одеждой детей раннего возраста у туркмен является верхняя плечевая одежда, типа накидки, не сшитая по бокам; ее отличительная черта — треугольные «крылышки» вместо рукавов. Подобная одежда известна у разных групп туркмен под названиями *елек*, *ала елек* (йомуты), *кюрте* (текинцы), *олрак* (човдуры), *гурама* (текланы).¹³³ «Ала елек, — пишет Г.П.Васильева, — считался нарядной одеждой и обычно одевался на праздники, в случае семейных торжеств, прихода гостей или выхода в гости, т.е. тогда, когда ребенок оказывался в окружении многих людей. По поверью, сохранившемуся у хорезмских йомутов, дети, не носившие *елека* (*елекиз*), вырастали непутевыми, несерьезными людьми».¹³⁴

Костюм ребенка младенческого возраста снабжался многочисленными амулетами-оберегами: раковинами каури, серебряными монетами, пуговицами, амулетами-дагдан из дерева или ткани, бусинами. Особенно много оберегов укреплялось на детский головной убор, среди них можно назвать перья совы или филина,¹³⁵ волчий ашик, лопатку черепахи, кости кролика.¹³⁶ На ноги детей в области щико-

лотки надевали серебряные или медные браслеты, часто с бубенчиками, их носили до 3—4 лет.¹³⁷ Как отмечает Г.П.Васильева, украшения-обереги, которые туркмены прикрепляли к одежде и головным уборам своих детей, сходны с оберегами других среднеазиатских народов; в них первоначальная функция украшений — охранять владельца от враждебных действий злых духов проступает наиболее четко.¹³⁸

Мать, занятая работой, не всегда могла уделить ребенку много внимания, и младенец подолгу лежал в салланчаке. Чтобы долгое неподвижное лежание не повредило его развитию, мать «разминала» ребенка: клала его на спину и несколько раз поочередно поднимала и опускала сначала ноги, потом руки младенца. В заключение она слегка массажировала живот ребенка, проводя по нему рукой.¹³⁹

Регулярного мытья младенцев туркменки не производили. Купание ребенка сразу после рождения, по окончании едичилле и гырк чилле, о чем уже шла речь, носило обрядовый характер. Туркмены вообще не стараются часто мыть своих детей; подобное отношение базируется на представлении о вреде, который может причинить вода, коснувшись тела человека. Оно было в прошлом довольно широко распространено у разных народов мира. Супруги В. и М.Наливкины первыми отметили существование подобного отношения к воде у оседлого населения Ферганы.¹⁴⁰ Впоследствии О.А.Сухарева, описывая родильную обрядность таджиков, еще раз остановилась на этом вопросе. Таджики считали, пишет она, что «слишком частое купание берет у ребенка силу и задерживает рост. А кроме того, чисто вымытый, красивый ребенок слишком привлекает взгляды посторонних, и его могут сглазить».¹⁴¹

Способы ношения детей грудного возраста у туркмен могли бы служить признаком, маркирующим племенную принадлежность, но, к сожалению, об этом имеется мало информации. Известно, например, что гекленки носят детей на спине, привязав большим платком, а женщины из группы сев. йомутов — на боку, посадив ребенка верхом на свое бедро.

Если туркменка ведет ребенка за руку, то держит его не за кисть, а за запястье.

В заключение остановимся на некоторых вопросах, дающих представление о взаимоотношениях родителей и детей, насколько это позволяет сделать материал, касающийся младенческого периода.

В первые полгода основной уход за младенцем осуществляла мать и опытные женщины старшего поколения. Если родившийся был уже не первым ребенком, то активными помощниками матери становились ее старшие дети, и в первую очередь сестры младенца. В уходе за годовалым ребенком девочки-подростки уже полностью заменяли мать, нередко отодвигая ее на второй план. «Моя младшая дочь совсем отвыкла от меня, не подходит, когда я дома», — заметила женщина-сарычка во время нашей беседы, состоявшейся в 1987 г., когда экспедиционные работы велись в Марыйской области Туркмении.¹⁴² Нянить ребенка считалось и считается у туркмен исключительно женским занятием, поэтому мальчики-подростки под любым предлогом от него уклоняются, чтобы не вызвать насмешек сверстников.

Физический контакт отца с детьми грудного возраста, вследствие строгого разграничения у туркмен мужских и женских обязанностей, был ограничен. О существовании специальных запретов, регламентирующих поведение отца относительно малолетних детей, нам неизвестно. Отец, так же как и мать, мог, если позволяли время и обстановка, взять ребенка на руки, приласкать его, соблюдая, однако, сдержанность.

Туркмены считали, что между родителями и детьми существует особая связь, обусловленная кровным родством, и уже после трех дней жизни ребенок узнает отца и мать, отличает их от других людей.¹⁴³ Первые слова, которым обучали младенца, — термины родства, названия близких ему людей: «мать», «бабушка», «дед», «отец», имеющие у туркмен различные диалектные варианты. Так, например, текинцы называют отца *кака*, эрсари — *ата*, йомуты — *дэдэ*.

Выбор термина зависит также от возраста ребенка. У туркмен-эрсари, по нашим полевым материалам, маленький ребенок до 5 лет, а иногда и дольше, называл отца *агга*, а будучи уже взрослым — *ата*.¹⁴⁴ Термины родства *ата* и *эне* («отец» и «мать») имеют двойное значение; так обращались к родителям в том случае, если жили малой семьей. Если же семья включала представителей старшего поколения — деда и бабу, то *ата* и *эне* называли их. Необходимо отметить также, что терминология родства зависела от того, по чьей линии (отцовской или материнской) это родство происходит. Ранее уже приводились соответствующие примеры. Линия отца считалась у туркмен важнее: при устройстве сирот за братом отца оставалось решающее слово, хотя последние с большей охотой шли жить в семью деда и бабу по матери («баба» и «мама»), так как они ближе, роднее ребенку.

По отношению к маленьким детям окружающие старались соблюдать нежный, ласковый тон. «Туркменки очень нежные матери», — замечает А.А.Володин.¹⁴⁵ Многие приемы ухода за ребенком, накопленные народным опытом, туркменки с успехом используют в детской практике и сегодня. Если необходимо успокоить младенца, применяют разные способы укачивания: на руках, на коленях, на ногах. Последнее происходит следующим образом. Женщина садится на пол, кладет ребенка на вытянутые ноги головой на свои ступни и начинает равномерно поворачивать ноги то в одну, то в другую сторону, что усыпляюще действует на ребенка.¹⁴⁶ В другом случае мать, убаюкивая ребенка, кончиком языка массирует его ухо, и это действие также оказывает успокаивающий эффект.¹⁴⁷

Обычный способ выражения ласки взрослого к ребенку — поглаживание рукой и поцелуй. Целовать детей у туркмен принято в лоб и голову, в щеки и губы нельзя, иначе ребенок будет *агзы сулы* (у него будет все время мокрый рот).¹⁴⁸ Ласкать малыша, целовать его, как считают туркмены, лучше дома; подобное проявление эмоций на людях, в общественных местах вызывает осуждение.

Заканчивая анализ материала, касающегося начального

периода жизни туркменского ребенка, еще раз подчеркнем некоторые, на наш взгляд, существенные аспекты.

В обрядах, сопровождающих появление ребенка на свет (от зачатия до окончания младенчества) прослеживаются следы архаичных представлений, которые сближают туркмен с другими тюрко- и ираноязычными народами среднеазиатского региона и сопредельных стран Востока. В туркменской культурной традиции имеет место поклонение камням, деревьям, явственно проступают черты культа животных (в частности змеи, верблюда), возникшие вне мусульманского влияния и имеющие широкий ареал распространения.

Основная задача взрослых, осуществляющих уход за младенцем, — охрана его жизни и здоровья. Вера в угрозу, проистекающую со стороны различных демонических существ, а также людей, способных навести порчу, сглазить ребенка, способствовала появлению различных приемов его магической защиты.

Особенностью традиционной возрастной периодизации у туркмен является долгое младенчество, верхняя граница которого — достижение ребенком 3-летнего возраста. К этому моменту заканчивается период грудного вскармливания; ребенок спит уже не в колыбели, а вместе с другими детьми; освоенное им пространство, благодаря навыкам свободного самостоятельного передвижения, значительно расширяется. В жизни ребенка, достигшего 3 лет, усиливается влияние такого значительного фактора социализации, как общество сверстников, в то время как во младенчестве все его потребности (включая общение) удовлетворяются матерью или другой женщиной, осуществляющей уход. Все это позволяет говорить о начале качественно нового по сравнению с младенчеством периода жизни ребенка — детства.

Младенчество (в предлагаемой статье ему синонимично понятие «раннее детство») в культуре туркмен насыщено обрядами, фиксирующими этапы психофизического развития ребенка. Проведение соответствующих обрядов сопровождалось праздниками, в которых подчас принимал участие широкий круг родственников и соседей, что означало призна-

ние и принятие ребенка в семейно-родственную группу. Как особо значительные события отмечались в туркменских семьях праздник рождения мальчика (огул той) и праздник первой стрижки волос (сач той). Сач той — праздник переходного характера, знаменующий окончание раннего детства и единственный из праздников и обрядов начального периода жизни (до 3 лет), где четко проступает приоритет мужского начала. Центральная фигура на сач тое помимо самого виновника торжества — дайы. В других обрядах младенческого периода роль мужчин скорее пассивна.

- 1 Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. Вып. 1.
- 2 Сухарева О.А. Мать и ребенок у таджиков // Иран: Сб. Л., 1929. Т. 3.
- 3 Троицкая А.Л. 1) Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкентского и Чимкентского уездов // В.В.Бартольд...: Сб. Ташкент, 1927; 2) Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // СЭ. 1935. № 6.
- 4 Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 12.
- 5 Аннаклычев Ш.Б. Рождение и воспитание детей у туркмен-йомудов в прошлом // Изв. АН Туркм.ССР. 1958. № 1.
- 6 Ниязкычиев К. Обычаи и обряды, связанные с рождением детей у туркмен-човдоров в конце XIX—начале XX в. // Там же. 1969. № 6.
- 7 Союнова А. 1) Обряды, связанные с рождением детей у городского населения Туркменистана // Очерк этнографии населения южного Туркменистана (XIX—нач. XX в.). Ашхабад, 1979; 2) Колыбель в обрядах и верованиях туркмен // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад, 1987.
- 8 Володин А.А. Трухменская степь и трухмены // СМОМПК. Тифлис, 1908. № 38; Ломакин А. Обычное право туркмен. Ашхабад, 1897; Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910; Йомудская-Бурунова Д.Г. Женщины старой Туркмении. М.; Л., 1931; Васильева Г.П. 1) Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. Т. 21; 2) Магические функции детских украшений // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986; Овезов Д.М. Племя мурчали // Тр. Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1959. Т. 9; Аннаклычев Ш.Б. Быт нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. Ашхабад, 1961; Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм.ССР. Ашхабад, 1962. Т. 6; Логашева Б.Р. Туркмены Ирана. М., 1976; Пирлиев К. Очерки этнопедагогики туркменского народа. Ашхабад, 1977.
- 9 У русских Архангельской губ. «млад», «младень» — ребенок до 3 лет. См.: Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—нач. XX в. Л., 1988. С. 25. Осетины считали возраст младенчества до 3 лет. См.: Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.

- 10 ПМА 1987 г. // Арх. МАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1515, л. 3—5; ПМА 1988 г. // Арх. МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 1573, л. 11.
- 11 ПМА 1987 г., л. 2.
- 12 ПМА 1989 г. // Арх. МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 1641, л. 2.
- 13 Там же, л. 30.
- 14 ПМА 1988 г., л. 62, 70.
- 15 ПМА 1989 г., л. 66.
- 16 Ломакин А. Обычное право туркмен. С. 43.
- 17 Каруц Р. Среди киргизов и туркмен... С. 3; Рельвальд Фр. Естественная история племен и народов. СПб., 1885. Т. 2. С. 757.
- 18 ПМА 1988 г., л. 78.
- 19 Ломакин А. Обычное право туркмен. С. 34.
- 20 ПМА 1988 г., л. 73.
- 21 Брук С.М. Население мира: Этнодемографический справочник. 2-е изд. М., 1986. С. 139.
- 22 Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 81.
- 23 Ниязкычиев К. Обычаи и обряды... С. 87.
- 24 Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 156.
- 25 Демидов С.М. Пережитки доисламских верований у туркмен // Религиозные пережитки и пути их преодоления в Туркменистане. Ашхабад, 1977. С. 138.
- 26 Там же. С. 137.
- 27 Абрамзон С.М. Рождение и детство... С. 87.
- 28 Союнова А. Обряды, связанные с рождением детей... С. 66.
- 29 ПМА 1989 г., л. 5—7.
- 30 ПМА 1988 г., л. 62.
- 31 Там же, л. 4; ПМА 1989 г., л. 17.
- 32 ПМА 1988 г., л. 17.
- 33 ПМА 1989 г., л. 14.
- 34 Хамиджанова М.А. Некоторые представления таджиков, связанные со змеями // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж.ССР. Сталинабад, 1960. Т. 120.
- 35 Йомудская-Бурунова Д.Г. Женщины старой Туркмении. С. 9.
- 36 Ломакин А. Обычное право туркмен. С. 36.
- 37 Союнова А. Обряды, связанные с рождением детей... С. 69.
- 38 Там же. С. 68.
- 39 Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 157; Союнова А. Обряды, связанные с рождением детей... С. 70.
- 40 Володин А.А. Трухменская степь... С. 53; Союнова А. Обряды, связанные с рождением детей... С. 70.
- 41 Ниязкычиев К. Обычаи и обряды... С. 87.
- 42 Там же.
- 43 ПМА 1987 г., л. 36.
- 44 Аннаклычев Ш.Б. Быт рабочих... С. 111.

- 45 Фрезер Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983.
- С. 46.
- 46 Снесарев Г.П. Реликты... С. 91.
- 47 Аннаклычев Ш.Б. Быт рабочих... С. 111.
- 48 Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 158.
- 49 ПМА 1989 г., л. 29, 56, 11—12.
- 50 Там же, л. 9.
- 51 Задыхина К.Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии: Родовое общество // ТИЭ. М., 1951. Т. 14.
- 52 ПМА 1989 г., л. 56, 40.
- 53 Там же, л. 5, 56,
- 54 Там же, л. 2, 28.
- 55 ПМА 1988 г., л. 6; Васильева Г.П. Туркмены-нохурли. С. 191; Ниязкычев К. Обычай и обряды... С. 88.
- 56 Аннаклычев Ш.Б. Быт рабочих... С. 114.
- 57 ПМА 1988 г., л. 25.
- 58 Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 158.
- 59 Васильева Г.П. Туркмены-нохурли. С. 191.
- 60 ПМА 1988 г., л. 40.
- 61 Ниязкычев К. Обычай и обряды... С. 88.
- 62 ПМА 1988 г., л. 6; Овезов Д.М. Племя мурчали. С. 257.
- 63 Андреев М.С. Таджики долины Хуф. С. 83—84.
- 64 ПМА 1988 г., л. 13, 31.
- 65 Там же, л. 13.
- 66 ПМА 1989 г., л. 45—46.
- 67 ПМА 1988 г., л. 34.
- 68 Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 158.
- 69 ПМА 1989 г., л. 77—78.
- 70 Там же, л. 78; ПМА 1988 г., л. 13.
- 71 ПМА 1987 г., л. 33—34.
- 72 Союнова А. Обряды, связанные с рождением детей... С. 70.
- 73 Демидов С.М. Пережитки... С. 113.
- 74 Овезов Д.М. Племя мурчали. С. 258.
- 75 Васильева Г.П. Туркмены-нохурли. С. 192.
- 76 ПМА 1987 г., л. 34.
- 77 Там же.
- 78 Ниязкычев К. Обычай и обряды... С. 88.
- 79 Там же.
- 80 Союнова А. Обряды, связанные с рождением детей... С. 71.
- 81 ПМА 1987 г., л. 33.
- 82 ПМА 1989 г., л. 15.
- 83 ПМА 1987 г., л. 34.
- 84 Союнова А. Обряды, связанные с рождением детей... С. 72.
- 85 Аннаклычев Ш.Б. Быт рабочих... С. 114.
- 86 Ниязкычев К. Обычай и обряды... С. 89.

- 87 ПМА 1989 г., л. 18, 9.
- 88 Союнова А. Колыбель в обрядах... С. 73—74.
- 89 ПМА 1987 г., л. 36.
- 90 Союнова А. Колыбель в обрядах... С. 75.
- 91 Там же.
- 92 Там же. С. 72.
- 93 ПМА 1987 г., л. 35.
- 94 Аннаклычев Ш.Б. Быт рабочих... С. 114.
- 95 Васильева Г.П. Туркмены-нохурли... С. 192.
- 96 Овезов Д.М. Племя мурчали. С. 258.
- 97 Ниязкычев К. Обычай и обряды... С. 89.
- 98 Володин А.А. Трухменская степь... С. 53.
- 99 Аннаклычев Ш.Б. Быт рабочих... С. 115.
- 100 Овезов Д.М. Племя мурчали. С. 259; Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 159.
- 101 Андреев М.С. Вещи сны, несколько примет и детская игра «Сорока-ворона» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии // Изв. Главного Среднеазиатского музея. Ташкент, 1923. Вып. 2. С. 27.
- 102 Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань. 1886. С. 178.
- 103 Абрамзон С.М. Рождение и детство... С. 130.
- 104 Володин А.А. Трухменская степь... С. 53.
- 105 Ниязкычев К. Обычай и обряды... С. 89.
- 106 ПМА 1988 г., л. 16.
- 107 Васильева Г.П. Туркмены-нохурли. С. 192.
- 108 Ниязкычев К. Обычай и обряды... С. 89.
- 109 ПМА 1987 г., л. 5.
- 110 ПМА 1988 г., л. 33.
- 111 ПМА 1987 г., л. 4.
- 112 ПМА 1989 г., л. 45, 41.
- 113 Там же, л. 51.
- 114 ПМА 1987 г., л. 4.
- 115 ПМА 1989 г., л. 7—8, 11—12.
- 116 Там же, л. 75.
- 117 Там же, л. 45.
- 118 ПМА 1988 г., л. 17; Овезов Д.М. Племя мурчали. С. 258; Васильева Г.П. Туркмены-нохурли. С. 192.
- 119 Ниязкычев К. Обычай и обряды... С. 87.
- 120 Сухарева О.А. Мать и ребенок... С. 134.
- 121 ПМА 1988 г., л. 12, 18, 39.
- 122 Там же, л. 62.
- 123 Там же, л. 17.
- 124 Логашева Б.Р. Туркмены Ирана. С. 74.
- 125 Там же.
- 126 ПМА 1988 г., л. 17, 38.

- 127 Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни... С. 121.
- 128 Ниязклычев К. Обычаи и обряды... С. 87.
- 129 ПМА 1988 г., л. 38.
- 130 Там же, л. 17.
- 131 Васильева Г.П. Туркмены нохурли. С. 191; Овезов Д.М. Племя мурчали. С. 257.
- 132 Ошанин Л.В. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа // Тр. Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1959. Т. 9. С. 31.
- 133 Васильева Г.П. Магические функции... С. 186; ПМА 1989 г., л. 2.
- 134 Васильева Г.П. Магические функции... С. 186.
- 135 Там же. С. 184.
- 136 ПМА 1987 г., л. 35.
- 137 Васильева Г.П. Магические функции... С. 185.
- 138 Там же. С. 182.
- 139 Пирлиев К. Очерки этнопедагогике... С. 50.
- 140 Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта... С. 175.
- 141 Сухарева О.А. Мать и ребенок... С. 152.
- 142 ПМА 1987 г., л. 34.
- 143 ПМА 1989 г., л. 54.
- 144 Там же, л. 32.
- 145 Володин А.А. Трухменская степь... С. 53.
- 146 ПМА 1989 г., л. 59.
- 147 Там же.
- 148 Там же, л. 10, 43, 14.

А. В. Курбанов

ТРАДИЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ У СТАВРОПОЛЬСКИХ ТУРКМЕН

В пять лет познал я себя,
Тогда пришел соблазн и овладел мною.
Достигши семилетнего возраста,
Я стал разбираться в своих поступках.
В десять лет мне было преподано исполнять
пять правил:
во-первых, повиноваться законам света;
во-вторых, совершать молитву;
в-третьих, соблюдать пост;
в-четвертых, совершать паломничество;
в-пятых, делать закят...

(Из поэзии ставропольских туркмен)¹

Данная статья является своеобразным дополнением к помещенной в этом же сборнике статье О.А.Ботяковой и Ю.М.Ботякова «Раннее детство в представлениях, обычаях и обрядах туркмен». Автору представляется, что настоящая статья может, с одной стороны, подтвердить и уточнить имеющиеся материалы по этнографии детства туркмен Средней Азии, а с другой — дополнить их новыми сведениями, учитывая изолированность ставропольской группы туркмен от основного этноса и, в связи с этим, возможную консервацию древних традиций или появление новаций, которые в Средней Азии не фиксируются.

Как в любом традиционном восточном обществе, у ставропольских туркмен рождение детей рассматривалось как